

ПУТЬ ХУДОЖНИКА

Исполнилось 90 лет со дня рождения одного из крупнейших деятелей советского театра — Всеволода Эмильевича Мейерхольда.

В. Э. Мейерхольд был человеком сложной творческой биографии. Уже в предреволюционные годы он обратил на себя внимание острым чувством театра, актерской изобретательностью, режиссерской фантазией. Ученик Немировича-Данченко и Станиславского, участник создания Художественного театра, он проходит ряд этапов в своем творчестве. Увлечение Художественным театром сменяется поисками новых «условных» театральных форм. Вслед за пропагандой символизма в театре Комиссаржевской он ставит задачей возрождение «театра прошлых эпох» в Александринском и Мариинском театрах. Но как бы противоречивы, а порою и явно неудачны ни были эти постановки, в отдельных спектаклях прорывалось лицо Мейерхольда-реалиста, и тогда торжествовало тонкое чувство музыкальности, как это было в «Орфее и Эвридике» Глюка, или трагическое ощущение гибели, как в «Маскараде» Лермонтова.

Пришла Великая социалистическая революция, и для Мейерхольда открылся новый путь театра, рвавшего со вкусами эстетствующей верхушки общества и связанного с

народом. Оказалось, что отвлеченная постановка театральных проблем, самые утонченные формы интимного театра, самые последовательные приемы пышной и богатой реставрации стали для него ненужными и мертвыми.

Мейерхольд был одним из первых режиссеров-коммунистов: в тот момент, когда многие еще колебались в выборе своего пути, Мейерхольд, разрывая со многими старыми друзьями, откровенно и точно признал для себя единственным и подлинным путем создание политического театра. Он хотел стать поэтом пролетариата. Он хотел вернуться к истокам народного творчества.

Порою Мейерхольд обращался к классике. Он пытался создать монументальные сценические произведения, казнящие, осмеивающие, уничтожающие прошлое. Так, ему хотелось в «Лесе» посмеяться смехом победителя над поверженным врагом, в «Ревизоре» создать страшную картину николаевской эпохи, в «Горе уму» показать трагедию идеалиста двадцатых годов прошлого века. В этих спектаклях было много режиссерской фантазии, но одновременно Мейерхольд как бы переступал через пьесу. Чисто постановочные формальные задачи все больше разжигали его фантазию, режиссерские трю-

ки дразнили зрителя, — и тогда отдельные формальные приемы и детали затемняли замысел режиссера, а перемонтировка пьесы разрушала живую ткань произведения. Его постановки вызывали в печати горячую полемику, во многих выступлениях получали отпор методы его сценического истолкования классических произведений.

Он искал для себя союзников среди поэтов и драматургов, которые могли бы утверждать героизм и красоту эпохи и сатирически уничтожать ее врагов. И он побеждал, когда эта идея полностью подчиняла себе спектакль, и проигрывал, если формальные задачи заслоняли от него тему пьесы.

Мейерхольд нашел для себя союзников в лице Владимира Маяковского и Всеволода Вишневского, он ставил пьесы А. Везьменского, А. Файно, Н. Эрдмана, И. Сельвинского, С. Третьякова, Ю. Германа, Ю. Олеши. В годы зла его главным врагом было мещанство, против которого он боролся со страстной силой памфлетиста. Он зло высмеивал всякое приспособленчество, карьеризм, бездушные — все, что мешало построению коммунизма.

Монументальная постановка «Мистерии-буфф», памфлетная острота «Клопа» и поэтические мечтания в «Бане», торжественный героизм ма-

тросов в «Последнем решительном», борьба немецкого народа во «Вступлении» стали главными завоеваниями поэтического таланта Мейерхольда. И как бы потом не была изысканно красива его постановка «Дамы с камелиями», как бы ни были остроумно изображены «33 обморока» (собрание водевилей Чехова), не эти постановки составляют главную заслугу Мейерхольда в советском театре.

Его вера в народ, его вера в коммунизм позволила ему создавать подлинные художественные ценности в спектаклях о нашей современности. Зрительный зал отвечал на их пафос ответным пафосом гнева, восторга, смеха и печали.

В годы культа личности Сталина театр имени Мейерхольда был закрыт. Мейерхольд вновь встретился со своим учителем Станиславским, поступив режиссером в его оперный театр. Но вскоре Мейерхольд стал жертвой несправедливых репрессий. Вспоминая о Мейерхольде, мы прежде всего думаем о его честном и горячем сердце художника, о создателе принципиальных политических спектаклей.

П. МАРКОВ.

Январь, 1964, 10 февр.